

ПОЧЕМУ ВАРЯГ ЯКУН «ОТБЕЖЕ ЛУДЫ ЗЛАТОЕ»?
СЦЕНЫ ЛИСТВЕНСКОЙ БИТВЫ 1024 г.¹

Наиболее многочисленный массив данных о скандинавах на Руси составляют, пожалуй, источники археологические — число их неуклонно растет, и процесс этот сулит регулярное пополнение наших знаний о варяжском присутствии. Что же касается летописных свидетельств, то здесь, разумеется, куда меньше шансов обнаружить какое-либо принципиально новое сообщение о варягах, однако для сообщений старых, хорошо известных и так или иначе обсуждающихся в науке с XVIII столетия, интерпретационные возможности, как это ни удивительно, еще отнюдь не исчерпаны. Сопоставление русских текстов со скандинавскими по-прежнему способно пролить свет как на конкретные исторические события, имевшие место в Северной и Восточной Европе, так и на представления скандинавов и русских друг о друге и о самих себе.

В этом отношении весьма выразителен рассказ «Повести временных лет» о Лиственской битве, в которой на стороне Ярослава Мудрого в конфликте с его братом Мстиславом принимала участие варяжская дружина. О призвании скандинавов на Русь в нем сообщается следующее:

«...и възвративъса Ярославъ приде Новуногороду (sic!) . и посла за море по Варагы . и приде Яйкунъ с Варагы . и бѣ Яйкунъ слѣпъ . [и] луда бѣ оу него золотомъ истъкана . и приде къ Ярославу . [и] иде Ярославъ съ Яйкуномъ на Мьстислава»².

Это противостояние братьев окончилось для Ярослава неудачей, в описании его поражения вновь упоминается предводитель заморской дружины и его золотая луда:

«...видѣв же Ярославъ яко побѣжаемъ естъ . побѣже съ Яйкуномъ княземъ Варажьскыи³ . и Яйкунъ ту ѿбѣже луды златоѣ . Ярославъ же приде Новугороду . а Яйкунъ иде за море»³.

Загадка предводителя варягов, слепого князя, обладавшего таинственной драгоценностью, настолько заметной, что она дважды упоминается в одном и том же летописном фрагменте, привлекала к себе внимание исследователей, по крайней мере, с середины XIX в., в последние десятилетия размышления над ней получили новый импульс. Счастливым образом, в данном случае перед нами разворачивается не столько активная борьба противоположных точек зрения, сколько постепенное накопление знаний и наблюдений, хорошо укладывающихся в некую единую модель. Попробуем кратко сформулировать, что удалось прояснить в интерпретации этого свидетельства.

На сегодняшний день у подавляющего большинства исследователей не вызывает сомнения конъектура, предложенная в 1858г. Н. П. Ламбиным, согласно которой вместо *слѣпъ* следует читать *съ лѣпъ* [Ламбин, с. 65–76], а Якуна, соответственно, по удачному выражению С. М. Михеева [Михеев, с. 27], считать не слепцом, но красавцем. Практически не вызывает возражений и общее соображение о том, что *луда* из древнерусского текста связана со скандинавским *lōdi* ‘меховой/плотный плащ’⁴. Бесспорным для всех, кто не склонен вовсе

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Общее и особенное в динамике культурного и политического развития на Востоке и Западе Европы в X–XVII вв.», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 году.

² ПСРЛ. М., 2001. Т. I. Стб. 148.

³ Там же.

⁴ Споры в свое время вызывал характер этой связи, а также пути проникновения и точное значение этого слова в древнерусском узусе ([Ламбин, с. 53–65], с отсылкой к гипотезе Шёгрена). Проблема эта весьма интересна сама по себе, однако не только ее разрешение, но даже и полноценная постановка не входят в задачу настоящего исследования. Отметим лишь, что Н. П. Ламбин оспаривал (и, как кажется, весьма справедливо) предположение Шёгрена, считавшего, что *луда* — непосредственное заимствование из скандинавских языков. Н. П. Ламбин отмечал, что эта лексема есть в разных западнославянских языках, и думал, что на Русь она проникла из Польши. М. Фасмер, напротив, видит в этом слове древнескандинавское заимствование (из *lōdi* ‘грубая верхняя одежда’)

отрицать варяжское присутствие на Руси, стало и сформулированное еще раньше отождествление летописного именованья *Икунь* со скандинавским антропонимом *Hákonr* [Kunik, 1844, s. 139–140; Kunik, 1845, s. 171–172].

Итак, во главе варяжского войска на Русь прибыл человек по имени *Хакон*, который, судя по титулу *князь*, избранному для него летописцем, не уступал в знатности Рюриковичам, причем, характеризуя его в рамках довольно лаконичного текста, повествователь счел нужным упомянуть, что тот был хорош собой и обладал драгоценным плащом (по-видимому, как-то выделявшим его среди остальных людей). О его личном участии в неудачном сражении мы узнаем лишь следующее: князь Ярослав бежит вместе с ним, *Хакон* же добровольно (?) лишается своего драгоценного плаща. Нетрудно убедиться, что в таком виде рассказ о варяжском князе приобрел большую осмысленность, но не утратил толики своей загадочности. Кто этот варяг и зачем для рассказа о нем потребовались именно эти — весьма нетривиальные — детали?

Естественное желание отождествить столь знатного персонажа с историческим лицом, известным нам по скандинавским источникам, вызвало к жизни целый ряд гипотез, наиболее убедительной из которых представляется построение Э. Брате, А. Стендер-Петерсена и О. Прицака. Исследователи считали весьма вероятным, что *Якун/Хакон* — это не кто иной, как норвежский ярл *Хакон Эйрикссон* [Brate, s. 16; Stender-Petersen, s. 137–138; Pritsak, p. 412–416; Прицак, с. 440–454]. Он был представителем рода хладирских ярлов, настолько могущественного, что его дед († 995 г.) соперничал с конунгами Норвегии и одно время, вопреки древнему обычаю, правил страной. Такая трактовка, как продемонстрировали О. Прицак [Pritsak, p. 412–413; Прицак, с. 446–447] и С. М. Михеев [Михеев, с. 27–29], позволяет объяснить, почему в летописи специальным образом подчеркивается внешняя привлекательность *Якуна/Хакона* — красота считалась чем-то вроде родовой приметы хладирских ярлов, передававшейся по мужской линии⁵. Ею обладали не все члены семьи (это уточняется в сагах), но ее присутствие расценивалось как надежный внешний признак наличия в человеке прочих выдающихся родовых черт. Так, ею обладал тот самый заполучивший норвежский престол ярл *Хакон Могучий*, которому наш *Хакон Эйрикссон* приходился родным внуком и в честь которого он, со всей очевидностью, был наречен⁶. Красота же самого *Хакона Эйрикссона*, которой он, подобно своим предкам, отличается от других людей, отмечена в кульминационный момент посвященного ему эпизода из сагового нарратива — о ней, в частности, говорит конунг Олав Святой, изгнавший юношу из страны⁷.

(Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Издание третье. СПб., 1996. Т. II. С. 529). Не исключено, что мы имеем дело все же не со скандинавизмом, а с германизмом; необходимо учитывать, кроме того, что в древнерусском языке существовало несколько заимствованных терминов для обозначения плаща и их функциональное распределение не вполне очевидно.

⁵ О красоте *Якуна* см. также: [Stender-Petersen, s. 137–138].

⁶ Ср.: «*Хакон* ярл был тоже очень красив видом. Он был невысок ростом, но силен и владел многими искусствами. Он был умен и очень воинствен» (*Hákon jarl var ok allra manna fríðastr sýnum, ekki hár maðr, vel sterkr ok íþróttamaðr mikill, spakr at viti ok hermaðr inn mesti*) (*Heimskringla: Noregs konunga sögur af Snorri Sturluson* / Udg. for Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur ved Finnur Jónsson. København, 1893–1901. (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur. Bd. XXIII). Bd. I. Bls. 240; *Snorri Стурлусон. Круг Земной* / Изд. подгот.: А. Я. Гуревич, Ю. К. Кузьменко, О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 93); см. также: *Saga Ólafs Tryggvasonar af Odd Snorrason munk* / Udg. ved Finnur Jónsson. København, 1932. Kap. XX. Bls. 74.

⁷ Ср.: «*Хакона* ярла привели на корабль конунга (*Олава Святого*. — А. Л., Ф. У.). Он был красив на диво (*Var hann allra manna fríðastur er menn höfðu séð*). У него были длинные волосы, красивые, как шелк. Они были перетянуты золотым обручем (*Hann hafði hár mikið og fagurt sem silki, bundið um höfuð sér gullhlaði*). Когда он сел на корме корабля, *Олав* сказал: “Правду говорят, что красив ваш род, но удача ваша истоцилась (*Eigi er það logið af uðir frændum hversu fríðir menn þér eruð sýnum en farnir eruð þér nú að hamingju*)”. *Хакон* говорит: “Нельзя сказать, что у нас совсем нет удачи. Издавна так бывало между вашими и нашими родичами, что если сначала одни и оказывались побежденными, то потом они брали верх, а мне еще не так много лет. Мы не были готовы к бою и не ожидали нападения. Может быть, в следующий раз нам больше повезет, чем сейчас”. *Олав* отвечает: “Не кажется ли тебе, ярл, что похоже на то, что тебе уже больше не придется ни побеждать, ни терпеть поражения?” Ярл отвечает: “На этот раз, конунг, все в вашей власти”. *Олав* говорит: “А что ты мне обещаешь, ярл, если я отпущу тебя целым и невредимым?” Ярл спрашивает тогда, что *Олав* от него за это потребует. *Конунг* говорит: “Ничего,

Почему же другим основообразующим элементом летописного рассказа об этом человеке становится драгоценный плащ? Разумеется, плащ был одним из самых выразительных, заметных и часто обыгрываемых в литературных текстах атрибутов средневекового костюма — число примеров, где он так или иначе фигурирует в нарративе, огромно. В Скандинавии, помимо всего прочего, существовал целый ряд мелких и крупных этикетно-обиходных правил обращения с плащом знатного человека, а, соответственно, соблюдение или нарушение подобных норм легко могло наделяться локальными сюжетообразующими функциями⁸. Некоторые из них, связанные

кроме того, что ты должен уехать из этой страны и оставить свои владения и поклясться, что с этих пор никогда не будешь воевать против меня». Ярл отвечает, что так тому и быть. Тут Хакон ярл дает клятву Олаву конунгу, что он никогда не будет воевать против него, не будет стараться отнять у него Норвегию и не будет выступать против него. Тогда Олав отпускает Хакона ярла и всех его людей. Ярл сел на свой корабль, и они уплыли» (Heimskringla. Bd. II. Kap. XXX. Bls. 39–40; *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. С. 180). Аналогичный эпизод имеется также в «Отдельной care об Олаве Святом» (Saga Olafs Konungs ens Helga. Udförligere Saga om Kong Olaf den Hellige efter det ældste fuldstændige Peraments Haandskrift i det store kongelige Bibliothek i Stockholm / Udg. efter Foranstaltning af det akademiske Collegium ved det kongelige norske Frederiks Universitet [ved P. A. Munch og C. R. Unger]. Christiania, 1853. Kap. XXXIII. Bls. 28–29) и в так называемой «Легендарной care об Олаве Святом» (Olafs Saga hins Helga. En kort Saga om Kong Olaf den Hellige fra anden Halvdeel af det tolfte Aarhundrede. Efter et gammelt Pergaments-Haandskrift i Universitets-Bibliotheket i Upsala, tilligemed et Anhang, indeholdende Brudstykker af et endnu ældre Haandskrift af samme Konges Saga i det norske Rigsarkiv, samt Anmærkninger, Ord- og Navne-Register / Udg. af R. Keyser og C. R. Unger. Christiania, 1849. Kap. XXII. Bls. 17), ср.: [Михеев, с. 28].

Кроме того, в сагах специально отмечается красота сыновей ярла Хакона Могучего, то есть дядьев Хакона Эйрикссона, прежде всего Свейна («Свейн ярл был красив на редкость» (Sveinn jarl var allra manna fríðastr, er menn hafi sét) (Heimskringla. Bd. I. Kap. CXIII. Bls. 459; *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. С. 167)) и Эрленда: «Олав сын Триугви входил во фьорд с пятью кораблями, а навстречу ему плыл Эрленд, сын Хакона ярла, с тремя кораблями. Когда корабли стали сближаться, Эрленд подумал, что это, наверное, враги, и повернул к берегу. Но когда Олав увидел, что по фьорду навстречу ему плывут боевые корабли, он решил, что это, наверное, Хакон ярл, и велел плыть вдогонку и грести изо всех сил. Когда Эрленд и его люди уже были близко к берегу, они сели на мель, попрыгали за борт и бросились к берегу вплавь. Тут подошли корабли Олава, Олав увидел, как плывет какой-то человек необыкновенной красоты (Ólafur sá hvar lagðist maðr fríðr forkunnliga). Олав схватил румпель и бросил в этого человека, и попал в голову Эрленду, сыну ярла, так что череп раскололся до мозга. Так погиб Эрленд» (Heimskringla. Bd. I. Kap. XLIX. Bls. 352; *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. С. 130). Что касается внешних данных еще одного сына Хакона Могучего, Эйрика (отца нашего Хакона/Якуна), рожденного в отличие от двух других сыновей от наложницы низкого происхождения, то здесь показания саг не столь однозначны. Если Снорри в «Круге Земном» безоговорочно подчеркивает, что «Эйрик <...> был очень красив и смолоду статен и силен» (...var Eiríkr <...> inn fríðasti sýnum, mikill ok sterkr snimma) (Heimskringla. Bd. I. Bls. 240; *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. С. 93) и ставит его тем самым в один ряд с отцом и братьями, то в care монаха Олда акцент делается, в том числе, и на несходстве сына с отцом: «Его (ярла Хакона Могучего. — А.Л., Ф.У.) законнорожденными сыновьями были Свейн и Эрленд. Эйрик был внебрачным сыном, и он одновременно походил и не походил на своего отца. Он был похож на него мудростью и воинской доблестью и не похож видом и нравом» (Þeir vora synir hans skirbornir Sveinn oc Erlendr. Eiríkr uar eigi eiginsonur s. hann var bæði licr feðr sinum oc ulicr. líkr at speki. oc harðr isocnum en ecki líkr yfir liz oc sua iscaplyndi) (Saga Óláfs Tryggvasonar (A). Kap. XX. Bls. 74). Для нашего дальнейшего изложения немаловажно отметить, что Эйрик и его брат Свейн (отец и дядя Якуна/Хакона, соответственно), согласно целому ряду источников, бывали и сражались на Руси (см. подробнее: [Джаксон, с. 223–224, 323–326]).

⁸ В качестве иллюстрации приведем два примера, относящихся к персонажам, которые обладали разным социальным статусом, жили в разных местах и в разное время. В родовой «Care о Курином Торире» (Hænsa-Þóris saga // Borgfríðingasögur: Hænsa-Þóris saga; Gunnlaugs saga ormstungu; Bjarnar saga Hitdœlakappa; Heravígasaga; Gísls þáttur Illugasonar / Sigurður Nordal, Guðni Jónsson gafu út. Reykjavík, 1938 (Íslenzk fornrit. Bd. III). Kap. X. Bls. 158–159; Исландские саги / Пер. с древнеисландского, общ. ред. и комментарии А. В. Циммерлинга. М., 2000. С. 30–32), где речь идет об исландцах X в., конфликт разворачивается вокруг того, что знатный исландец, Кетиль Соня, накануне был сожжен у себя в усадьбе, но не все участники событий уже знают об этом. Сын Кетилы Сони по имени Херстейн приезжает ночью со своими друзьями и людьми к некоему Гуннару и с ходу, ничего не объясняя, просит руки его дочери. Описание ночного сватовства в care больше напоминает шантаж, недобровольный характер происходящего воплощается прежде всего в том, что сваты садятся по обе руки от Гуннара и, ведя деловой разговор, сидят на его плаще. Гуннар дает согласие, и девушку заочно обручают с Херстейном, сыном Кетилы Сони. Лишь после этого Гуннару, отцу девушки, сообщают, что Кетиль Соня был только что сожжен в своем доме. Гуннар остается крайне недоволен случившимся, ведь отныне он волей-неволей обязан помогать своему зятю и мстить за человека, с которым он оказался скреплен родовыми узами уже после его смерти.

Особенно же выразителен рассказ об обычаях и трюках, связанных с плащом и другой одеждой, относящийся к претенденту на норвежский престол в XII столетии Сигурду Слембидьякону, которого недруги обманом выманили в море, дабы осуществить втайне вынесенный ему смертный приговор: «Сигурд сидел сзади на рундуке и обдумывал свое положение. Он подозревал, что дело его плохо. Он был так одет: на нем были синие штаны, рубаха и сверху плащ со шнурами. Он смотрел вниз перед собой и держал руки на шнурах плаща, то стягивая его с головы, то снова натягивая его на голову. Когда они обогнули какой-то мыс — а были они навеселе, гребли изо всех сил, и сам черт

с унижительностью утраты плаща в древнескандинавской нарративной традиции, отмечены в работе А. А. Гиппиуса [Гиппиус, с. 54–55], посвященной интересующему нас эпизоду. Однако конкретное упоминание луды/плаща в русской летописи не просто имеет отношение к этой традиции, но способно, с одной стороны, подтвердить и без того убедительную гипотезу о том, что летописный Якун и ярл Хакон Эйрикссон, внук Хакона Могучего, — это одно и то же лицо, и, с другой стороны, саговый материал, связанный с родом хладирских ярлов, объясняет, почему плащу в рассказе о Лиственской битве отводится столь заметная роль.

Для того чтобы продемонстрировать, что значил плащ для рода хладирских ярлов, мы должны обратиться к истории самого прославленного из них — Хакона Сигурдссона Могучего, последнего языческого правителя Норвегии. Он боролся за власть с Олавом Трюгвасоном, когда тот возвратился из Руси, в какой-то момент был вынужден спастись от преследователей, некоторое время укрывался от них и окончил свои дни в яме под свиным хлевом, служившей ему убежищем. Описание этих событий представлено в нескольких саговых источниках, которые в целом согласны друг с другом, но различаются в расстановке акцентов и степени внимания к разным эпизодам бегства норвежского ярла, закончившегося его убийством. Наиболее известна, пожалуй, версия этого рассказа, изложенная Снорри Стурлусоном в «Круге Земном». Начинается она следующим образом:

«И вот ярл отправился в путь, а с ним раб по имени Карк. На (реке. — А. Л., Ф. У.) Гауль был лед, и ярл столкнул туда своего коня и оставил там свой плащ (...ok þar lét hann eptir möttul sinn). Они спрятались в пещере, которая потом стала называться Ярлова Пещера. Там они заснули, и когда Карк проснулся, он рассказал свой сон: ему снилось, что черный и страшный человек проходил мимо пещеры, и Карк боялся, что он войдет в пещеру, и этот человек сказал, что Улли умер. Тогда ярл сказал, что, наверное, это убили Эрленда (сына ярла. — А. Л., Ф. У.). Снова Тормод Карк заснул и метался во сне. Проснувшись, он рассказал ярлу свой сон: тот самый человек вернулся и просил передать ярлу, что все проливы замерзли. Ярл решил, что это, наверное, к его близкой смерти. Потом ярл встал, и они пошли к усадьбе Римуль»⁹.

Далее излагается, как хозяйка Римуля, Тора, чье расположение к ярлу было всем известно (согласно источникам, она некогда была его наложницей), предвидя, что Олав Трюгвасон и его люди попытаются схватить Хакона именно в ее усадьбе, решила, что единственное место,

был им не брат, — Сигурд встал и подошел к борту. Тогда двое, которые должны были его сторожить, тоже встали, подошли к борту и взяли его плащ за края, как принято делать, когда знатный человек подходит к борту за маленькой нуждой. Но так как он подозревал, что они держат и другие части его одежды, он сгреб их обоих и прыгнул с ними за борт. Лодка же скользнула далеко вперед, и повернуть ее назад было им нелегко, и прошло много времени, прежде чем им удалось выловить своих людей. Между тем Сигурд вынырнул так далеко, что был уже на берегу, прежде чем они повернули лодку, чтобы погнаться за ним. Сигурд был скор на ногу, как никто. Он направился вглубь страны, а люди конунга, которые погнались за ним, искали его всю ночь, но так и не нашли. Он улегся в каком-то ущелье и очень замерз. Тогда он снял с себя штаны, прорезал отверстие в ластовице, надел их на себя, а руки просунул в штанины. Так он спас свою жизнь на этот раз. А люди конунга вернулись назад и не могли скрыть неудачу, которую они потерпели» (Снорри Стурлусон. Круг Земной. С. 512–513). Очевидно, что в том наборе уловок, к которым прибегает Сигурд, легко обнаруживается множество «низменных» деталей — от физиологических до семиотических, когда герой вроде бы меняет местами верх и низ и вынужден просунуть голову между собственными штанинами. Однако на самом деле все эти подробности, как недвусмысленно продемонстрировано в рассказе, приведены ему не в укор, а в похвалу, предметом насмешки являются те, кто претерпел неудачу, — это они хотели бы, но не могут скрыть произошедшее. Попытка бежать, оставив в руках преследователей свой плащ, проваливается, но рассказчик подчеркивает в своем персонаже умение на ходу изобретать новые способы для преодоления препятствий и ту силу и быстроту, которые в тот день принесли ему удачу.

⁹ Снорри Стурлусон. Круг Земной. С. 129–130. Fór jarl þá ok þræll hans með honum, er Karkr er nefndr. Íss var á Gaul, ok hratt jarl þar í hesti sínum, ok þar lét hann eptir möttul sinn, en þeir fóru í helli þann, er síðan er kallaðr Jarlshellir. Þar sofnuðu þeir. En er Karkr vaknaði, þá segir hann draum sinn, at maðr svartr ok illiligr fór hjá hellinum, ok hræddist hann þat, at hann mundi inn ganga, en sá maðr sagði honum, at Ulli var dauðr. Jarl sagði, at Erlendr mundi drepinn. Enn sofnar Þormóðr Karkr öðru sinni ok lætr illa í svefni, en er hann vaknar, segir hann draum sinn, at hann sá þá hinn sama mann fara ofan aptr, ok bað þá segja jarli, at þá váru lokin sund öll. Karkr sagði jarli drauminn; hann grunaði, at slíkt mundi vera fyrir skammlífi hans. Síðan stóð hann upp, ok géngu þeir á böenn Rimul (Heimskringla. Bd. I. Bls. 350); cp.: Codex Frisianus. En Samling af norske Konge-Sagaer / Udg. efter offentlig Foranstaltning [af C. R. Unger]. Christiania, 1871. Bls. 129.

где не станут искать такого человека, как он, — это свиной хлев. Олав и в самом деле прибыл в Римуль в погоне за Хаконем и, не сумев отыскать его, во всеуслышание объявил, что назначает огромный выкуп за голову ярла. Через некоторое время Карк, прятаящийся в хлеву вместе со своим хозяином, зарезал того во сне, то ли испугавшись, что метавшийся и кричавший от ночных кошмаров Хакон выдаст их обоих, то ли прельстившись обещанными деньгами¹⁰. Так или иначе, когда Карк принес голову ярла, Олав распорядился увести его и казнить.

Итак, нетрудно убедиться, что плащ фигурирует в истории предсмертного бегства Хакона Могучего, однако относительно этого предмета Снорри Стурлусон практически столь же лаконичен, как и повествователь летописи. Мы видим, что всякий шаг бегства Хакона закрепляется в преданиях (ср., например, микропоним *Ярлова Пещера*), убеждаемся, что ярл избавился от коня и плаща намеренно, но можем только догадываться о том, что стояло за этим поступком.

Чуть яснее мотивы действий ярла на реке Гауль обозначены в соответствующем рассказе «Обзора саг о норвежских конунгах», который, как известно, служил одним из источников для Снорри. Здесь сообщается, что, достигнув с рабом Карком реки Гауль, «они доскакали до польныи, утопили в ней его коня и оставили на льду его плащ (*létu eftir skikkju hans*) и меч»¹¹.

К счастью, однако, в версии еще одного источника поступок ярла не только описывается, но и интерпретируется устами его преследователей, причем здесь мы находим как точку зрения простака, ничего не подозревающего профана, так и догадку бывалого и сведущего человека, которые развеивают последние сомнения относительно того, какого рода манипуляции с предметами представлены в традиции. Речь идет о рассказе из древнейшего жизнеописания Олава Трюгвасона, так называемой «Саги об Олаве, сыне Трюгви» монаха Одда Сноррасона. Собственно говоря, для изучения повествовательной традиции, связанной с ярлом Хаконем Могучим, можно считать удачей то обстоятельство, что столь подробно оставление плаща обсуждается не в саге, составленной Снорри Стурлусоном, — на него как на особенно виртуозного рассказчика обычно легче всего падает подозрение в развертывании той или иной детали за счет собственных изобразительных средств, а не благодаря опоре на какие-то дополнительные, известные ему данные. Мы же имеем возможность обратиться к тексту, записанному раньше, чем «Круг Земной», и заведомо в нем используемому¹². Из этого источника видно, что Снорри прибегает к, так сказать, компрессируемому, а не пространному варианту свидетельства о плаще.

В саге монаха Одда интересующий нас сюжет развивается следующим образом. Для начала повествователь сообщает, что ярл в сопровождении раба Карка «верхом подъехал к большой реке и пересек ее; на нем был шелковый плащ, он снял его с плеч и бросил в реку (*hann hafði silki mottul yfir ser. Oc tescr hann hann af herþum ser oc castar iana*); затем они отправились в Гаулардаль в поисках убежища»¹³.

Позже читатель оказывается на реке Гауль уже с преследователями ярла, конунгом Олавом Трюгвасоном и его людьми:

«Олав, сын Трюгви, продолжил преследование и подъехал с большой свитой людей к той реке, о которой говорилось прежде. И вот они видят прибывший к островку плащ. И когда его достали и поняли, что это плащ, который принадлежал ярлу, многие стали говорить, что ярл

¹⁰ Согласно версии «Обзора саг о норвежских конунгах» (см. о ней ниже), ярл сам распорядился, чтобы раб перерезал ему горло.

¹¹ ...riðu vakar nekkurar ok drekkðu þar hesti hans ok létu eftir skikkju hans ok svá sverð á ísinum... (Ágrip af Nóregis konunga sögum. Diplomatísk utgávef / Udg. for Samfund til utgávef af gammel nordisk litteratur ved Verner Dahlerup. København, 1880. (Samfund til utgávef af gammel nordisk litteratur. Bd. II). Bls. 25).

¹² Напомним, что сага монаха Одда является самым старшим из сохранившихся жизнеописаний Олава Трюгвасона. Она была написана на латыни в конце XII в. и вскоре переведена на древнеисландский. Этот-то перевод, выполненный в самом конце столетия, и дошел до нас в трех различных редакциях, от латинского оригинала сохранились лишь краткие отрывки.

¹³ Saga Óláfs Tryggvasonar (A). Kap. XXI. Bls. 78.

утонул здесь, и нет нужды продолжать его поиски. Тогда один старик сказал: “Нет, вам неизвестна хитрость ярла, если вы полагаете, что он сгинул в этой реке. Это его искусная уловка — сбросить с себя плащ, дабы вы решили, что он здесь и погиб”¹⁴.

Люди поверили речам старика, продолжили поиски и, в конце концов, оказались в Гаулардале, на хуторе Римуль.

Компилятор более позднего источника — «Саги об Олаве Трюгвасоне» по «Книге с Плоского острова» (так называемая «Большая сага об Олаве») — включил в свой текст весь этот подробный рассказ монаха Одда об оставлении плаща, легковерии одних преследователей и проницательности других, снабдив его несколькими деталями, еще более красочно живописующими тот прием, который применил ярл. В частности, плащ не просто брошен на замерзающей реке, но закреплен за кромку льда, чтобы он не исчез бесследно, как и в редакции S саги монаха Одда, люди Олава обнаруживают не только плащ, но и останки коня, которые вынесло на отмель¹⁵.

Итак, совершенно очевидно, что традиция приписывает Хакону Могучему ловкий трюк с плащом, когда обладатель драгоценной и, что более существенно, легко опознаваемой вещи бросает ее, чтобы избавиться от преследования. Такого рода тактические хитрости, весьма универсальные сами по себе и фигурирующие в самых разных нарративах — от образчиков фольклора до литературных текстов античности, — охотно сопрягаются в средневековой хронографии, а особенно в сагах, с тем или иным конкретным лицом. Они становятся его запоминающимся маркером и атрибутом, упоминаются то развернуто (как у монаха Одда), то кратко (как у Снорри или в «Обзоре саг о норвежских конунгах»), порой превращаются в нечто вроде устойчивой характеристики¹⁶.

Безусловно, и в реальной жизни, и в мировой литературе можно подыскать множество случаев, когда беглец бросает свою приметную верхнюю одежду, отличающую его от прочих людей, ради спасения собственной жизни. Однако в саговой традиции носителем этого трюка, если так можно выразиться, является именно ярл Хакон Могучий, а стало быть, исходя из логики саговой картины мира он естественно проецируется на его прямых потомков.

Существенно при этом, что фигура ярла Хакона была чрезвычайно значима для скандинавской средневековой историографической традиции в целом. Время его правления становится в сагах датирующей характеристикой для самых разных событий, не имеющих к нему прямого отношения, смерть ярла от руки его раба Карка отмечается в источниках, принадлежащих

¹⁴ En Olaftr T. s. ferr nu eptir oc leitar j. kómr hann nu með micla sueit manna til þeirar ar er fyrr var fra sagt. Oc nu sia þeir mottulinn rekinn ieyri eina. Oc siþan var hann up tekinn oc kendr at j. hafði att tocu þa margir sua til ordz at j. myndi þar latiz hava oc ecki myndi þurva at leita nans. Þa mælti einn gamall maðr. Nei ecki kunni þer brogþ j. ef þer ætlit hann tynz hava iþessi a. en þetta er slógar prettr hans at casta af ser motlinum. at þer ætlaðit at hann myndi her latitz hava (Saga Óláfs Tryggvasonar (A). Kap. XXI. Bls. 79–80).

Ср. также вариант этого же рассказа в другой редакции саги монаха Одда: «И когда они прибыли к реке, где вынесло плащ, многие узнали, кому он принадлежал, а увидев выброшенный плащ и мертвого коня, большинство людей решили, что ярл утонул и нет нужды продолжать его поиски. Тогда один старик сказал: “Вам не знакома ни сноровка, ни мудрость Хакона ярла, если вы уверены, что он утонул в этой реке, и вы не понимаете, что это сделано с умыслом, для того, чтобы обмануть вас”» (Ok er þeir O. komo at anni er móttulinn rak tok þeir hann. Ok kendv margir hverr att hafðe ok ætlvðv flester at iarlinn mvnde drvknað hafa er þeir sa hestinn dāþan ok móttvlinn rekinn ok þotti eigi þurfa at leita hans. Þa melti einn gamall maðr. Eige kvnne þer braðð Hakonar iarls ne vit ef þer trvit hann hér fariz hafa iþessi á en skilið eige at þetta er gertt til talar við yðr) (Saga Óláfs Tryggvasonar (S). Kap. XV. Bls. 79–80).

¹⁵ Flateyjarbók. En Samling af norske Konge-Sagaer med indskudte mindre Fortællinger om Begivenheder i og udenfor Norge samt Annaler / Udg. af Guðbrandr Vigfusson og C. R. Unger. Christiania, 1860. Bd. I. Bls. 235, 237.

¹⁶ Упоминание о плаще, сброшенном в процессе бегства, присутствует в целом ряде дошедших до нас письменных текстов о последних днях Хакона Могучего. Из древнейших памятников нет его в «Красивой коже», своде саг, записанном приблизительно в 20-е годы XIII в. (Fagrskinna. Nóregs kononga tal / Udg. for Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur ved Finnur Jónsson. København, 1902–1903. (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur. Bd. XXX). Bls. 106), и в «Саге о йомсвикингах» (Jómsvíkinga saga (effer cod. AM. 510, 4:to) samt Jómsvíkinga drápa / Utg. af Carl af Petersens. Lund, 1879. Bls. 101), кроме того, интересующий нас рассказ отсутствует в латиноязычных сочинениях, в анонимной «Истории Норвегии» и в так называемой «Истории о древних норвежских королях» монаха Теодрика.

к самым разным типам и жанрам¹⁷. Его жизнеописание неизбежно приобретает некий налет двойственности и трагизма, что в значительной степени связано с приверженностью Хакона древним языческим обычаям. Как известно, ярл лишь на время принял христианство под давлением обстоятельств и вскоре отпал от него. Разумеется, такая преданность отступающей на глазах вере не могла не оказать воздействия как на его династическую судьбу, так и — в еще большей мере — на характер его изображения в памятниках, составленных в христианскую эпоху. Тем более заслуживает всяческого внимания тот факт, что и в этих текстах ярл рисуется не одними лишь черными красками — выразительна в этом отношении характеристика, которую ему дает Снорри Стурлусон вслед за описанием ярловой кончины:

«Вражда к Хакону ярлу была так велика у жителей Трёндалёга, что никто не смел называть его иначе, как Злым Ярлом. Это прозвище долго потом сохранялось за ним, но если говорить правду о Хаконе ярле, то о нем надо сказать, что он соединял в себе многое, что нужно в правителе: во-первых, высокое происхождение, затем ум и умение править державой, мужество в битвах, а вместе с тем и удачу в войне и сраженьях с врагами ... Хакон ярл был очень щедр. Но этому могущественному правителю очень не повезло в день его смерти. И причиной этому было в основном то, что настали времена, когда стали осуждать язычество и язычников, и святая вера и правильные нравы заступили их место»¹⁸.

По-видимому, такого рода двойственность и определяет характер повествования о последних днях ярла. С одной стороны, перед нами целый ряд действий и событий, унижительных для человека, который только что правил страной. Единственный его спутник — невольник, у которого даже нет отчества, ярлу приходится бросить плащ, чтобы обмануть преследователей, он вынужден искать покровительства женщины и прятаться под полом свинарника. В конце концов его умерщвляет собственный раб, причем голову Хакона выставляют у виселицы на всеобщее поругание, а его тело сжигают.

Тем не менее эти рассказы лишены даже намека на насмешку над Хаконем, и непосредственной причиной его падения оказываются отнюдь не его способность пойти на подобные ухищрения и унижения, а далеко зашедшее женолюбие¹⁹, с одной стороны, и внезапная утрата удачи, столь долго ему сопутствовавшей, — с другой. Готовность же прибегнуть к хитрости — лишиться плаща или затаиться в свином хлеву — не оцениваются рассказчиками как недопустимое поведение для беглеца в минуты смертельной опасности. Так, Снорри Стурлусон, по-видимому, вполне солидарен с репликой, приписываемой им Хакону Могучему: «...ведь прежде всего надо сохранить жизнь (...lífsins skal nú fyrst gæta)».

Немаловажно также, что в сагах биография ярла становится своеобразной точкой притяжения для различных нарративных интерполяций и отступлений, в рамках которых охотно разворачиваются краткие характеристики, используются заимствованные образцы, словом, задействуется очень богатый арсенал повествовательных средств и техник, характерный для рассказов о переходе от язычества к христианству. Условно говоря, ярл Хакон и Олав Трюггвасон как бы делят пополам ту нарративную роль, которая в русском летописании вся целиком достается Владимиру Святому.

Очевидно, таким образом, что упоминание о плаще, который Хакон сбросил в бегстве,

¹⁷ Характерно, что и этот кульминационный эпизод излагается с весьма различной степенью детализации — от простого упоминания до пространного, насыщенного диалогами рассказа.

¹⁸ Heimskringla. Bd. I. Bls. 356; Снорри Стурлусон. Круг Земной. С. 131–132. Важно подчеркнуть, что приведенный «некролог» Хакону Могучему не сочинен целиком и полностью самим Снорри, но заимствован им из традиции — сходная по своей неоднозначности в оценке личности ярла характеристика присутствует, например, в саге монаха Одда (Saga Óláfs Tryggvasonar (A). Кар. XX. Bls. 73–74; Saga Óláfs Tryggvasonar (S). Кар. XIV. Bls. 73–74).

¹⁹ Необходимость скрыться для Хакона была вызвана, судя по источникам, двумя причинами: соперничеством за власть с Олавом Трюггвасоном и восстанием бондов, поводом для которого оказалась очередная попытка ярла отобрать у одного из них жену. В различных памятниках две эти причины могут наделяться различным весом, где-то явно преобладает линия Олава Трюггвасона, а где-то, напротив, недовольство бондов.

являющееся одним из почти непреременных элементов общего рассказа о последних днях ярла, обладает способностью к варьированию и трансформации, но в любом своем изводе узнаваемо и значимо для тех, кто так или иначе причастен к древнесеверной традиции.

В свете всего вышеизложенного весьма лаконичная информация, которая содержится в летописи о загадочном варяге по имени *Якун*, окончательно превращается из набора отрывочных данных, то ли неясных, то ли случайных, в некое пусть и краткое, но весьма информативное для аудитории той эпохи сообщение. Большинство известий о варяго-русском взаимодействии может быть прочитано в двух перспективах — в перспективе традиции скандинавской и собственно древнерусской. Наш же случай особенно интересен тем, сколь близко сходятся две эти перспективы.

В самом деле, с точки зрения варягов, вполне закономерно все, что отмечено о *Якуне/Хаконе* в русской летописи, в их мире характеристика любого человека естественным образом строится на отсылках к его происхождению и деяниям его предков, а по отношению к очередному отпрыску хладирских ярлов это тем более ожидаемо. В рассказе приведено его имя, позволяющее мгновенно оценить, что он был тезкой самого знаменитого из своих родичей, родного деда. С помощью термина *князь* отмечена и его редкостная для предводителя варяжской дружины знатность (еще *О. Прицак* писал об уникальности подобного титулования скандинава в летописи). Специально упомянута красота персонажа, передающаяся в его семье по мужской линии и служащая в других саговых рассказах о *Хаконе Эйрикссоне* своеобразным «мостиком», призванным связать его с дедом и другими старшими родичами²⁰. Оказывается, условно говоря, что *Олав Святой* изгоняет нашего *Хакона/Якуна* из страны, приговаривая, как тот пригож, с тем, чтобы через некоторое время на Руси окружение *Ярослава Мудрого* (свояка *Олава*) встретило изгнанника молвой о его красоте — одна нарративная традиция как бы подхватывает в этой точке другую.

Отмечено и его богатство, то самое обладание золотыми предметами, которое приличествует лицу, принадлежащему к правящему роду. Закономерным образом, из всего возможного перечня сокровищ присутствует всего лишь один элемент, который сразу же задает микросюжет, характеризующий в преданиях именно прославленного деда-тезку нашего *Якуна*, причем связан этот элемент не с моментами торжества и могущества *Хакона Могучего*, а с его поражением и бегством. Затем следует рассказ о проигранной битве, и далее князь *Ярослав* бежит вместе с князем *Хаконем/Якуном*, причем *Хакон* оставляет в бегстве свой драгоценный и приметный плащ. Иными словами, его сходство с дедом проявляется как в совпадении имен и наличии родовых черт во внешности, так и в соответствии родовой характеристике «по способу действия». Таков, пожалуй, тот условный минимум, который мог бы извлечь из подобного повествования условный варяг-современник.

Вероятно, он добыл бы из данного нарратива и намного больше — не исключено, например, что упоминание золотого плаща *Якуна* сразу же послужило бы сигналом неблагоприятного окончания всего предприятия в целом. Быть может, особая конструкция, упоминающая, что *Ярослав Мудрый* бежит с *Якуном*, была бы расценена нашим гипотетическим северным слушателем как нечто почетное, свидетельствующее о том, что, несмотря на неблагоприятный ход дела, роль *Хакона* при конунге *Ярицлейве* была неизменно высока. Возможно, весь эпизод мгновенно включался бы для него в некий глобальный контекст падения дома хладирских ярлов,

²⁰ В добавление к приведенным выше примерам, в которых специально отмечается красота *Хакона Эйрикссона* (см. примеч. 6 и 7), ср. также ремарку *Снорри* в «*Sage о Харальде Суровом*» о красоте потомков ярла *Хакона Могучего* вообще: «Все они и многие другие знатные люди в Норвегии были потомством ярла *Хакона*, и выделялись эти сородичи среди всех своею красотой и другими многочисленными достоинствами, и все они были выдающимися людьми» (Slíkt var afkvæmi Hákonar jarls þá í Noregi og mart annað göfugra manna og var ætt sú öll miklu fríðari en annað mannfólk og flest atgervimenn miklir en allt göfugmenn) (*Heimskringla*. Bd. III. Kap. XLI. Bls. 133; *Снорри Стурлусон*. Круг Земной. С. 425).

которые были мужественны, хороши собой и обладали всеми качествами, необходимыми для воина и правителя, но с какого-то времени удача стала отворачиваться в решающий момент от каждого из них.

Круг подобных допущений можно было бы существенно расширить, однако каждое из них чревато для исследователя впадением в грех переинтерпретации. Поэтому в дальнейших рассуждениях мы ограничимся минимальным набором признаков и характеристик, позволяющим убедиться, что для скандинава той поры рассказ о Хаконе/Якуне был бы совершенно прозрачен и органично вписывался в контекст преданий о хладирских ярлах, когда всем известные атрибуты предка служат опорой для биографии потомка.

Оговоримся напоследок, что подобные сюжеты-матрицы из родовой истории обладали изрядной гибкостью. Нам уже приходилось видеть, как сюжет о плаще может то редуцироваться до краткого упоминания, то обрастать развернутыми деталями и самостоятельными диалогами. Микросюжет мог концентрироваться и застывать в виде необычного прозвища, вмещать в себя диаметрально противоположные оценки, а самое его содержание могло подвергаться весьма существенным переосмыслениям.

Так, Инглингам, династии конунгов, чьи властные права на некоторое время оказались в руках ярла Хакона и его семьи, приписывается характеристика *щедрые на золото, скупые на еду*, фиксирующаяся во многих сюжетах и целиком или по частям запечатленная в некоторых из их прозвищ. В большинстве из связанных с этой характеристикой историй мы действительно имеем дело с проявлением родовой щедрости или скупости у того или иного конунга, однако не менее показательны и другие случаи, когда рассказчик или персонажи саги сводят к этой формуле любые действия правителя из династии Инглингов, на самом деле не имеющие к скупости или щедрости никакого отношения. Именно таким образом, например, воспринимаются действия Хакона Воспитанника Адальстайна, пытавшегося в еще языческой Норвегии устанавливать обязательность поста и чтить святость воскресного дня²¹. Иными словами, родовой сюжет можно повернуть и так, и эдак, но самое его приложение к тому или иному лицу, пусть даже и не вполне лестное, является одной из тех верительных грамот, которые удостоверяют его принадлежность к собственной семье и статус в родовом мире.

Постепенно переходя от точки зрения средневекового скандинава к перспективе современного скандинависта и обращаясь к вечному вопросу о соотношении письменных текстов с устной традицией их бытования, можно сказать, что перед нами, в сущности, еще одно ценное внешнее свидетельство, позволяющее убедиться, что сюжет о ярловом плаще был широко распространен задолго — не менее чем за столетие — до эпохи записи саг²². В самом деле, составитель «Повести временных лет» попросту не имел никакой возможности извлечь его из какого-либо письменного источника, а при таком количестве деталей летописного рассказа, которые постепенно удается поставить в соответствие с показаниями саговой традиции, вероятность случайного совпадения все неуклоннее стремится к нулю.

Это же обилие совпадений между сагой и летописью в перспективе древнерусских

²¹ «Но как только конунг возвестил это народу, сразу же поднялся громкий ропот. Бонды роптали на то, что конунг хочет отнять у них их работы и говорили, что тогда им нельзя хозяйствовать на земле. А батраки и рабы говорили, что, если они не будут есть, они не смогут работать. Есть такой изъясн — говорили они — у Хакона конунга и его отца (конунга Харальда Прекрасноволосого. — А.Л., Ф.У.) и всей его родни, что они скупы на еду, хотя и щедры на золото (þeir váru illir af mat, svá þótt þeir væri mildir af gulli)» (Heimskringla. Bd. I. Bls. 189; *Снорри Стурлусон. Круг Земной. С. 75*); ср.: [Литвина, Успенский, с. 140–141].

²² Основной массив родовых и королевских саг был записан в самом конце XII–XIII столетия. При этом у большинства исследователей не вызывает сомнений, что в том или ином виде саги бытовали в устной форме задолго до фиксации их на пергамене. Предметом обсуждения для каждого конкретного нарратива является, прежде всего, дистанция между реальным историческим событием и возникновением саги о нем, а также вопрос о том, на каком этапе существования текста в него был привнесен тот или иной нарративный элемент.

исследований означает с высокой степенью надежности, по крайней мере, две вещи. Во-первых, все больше возрастает уверенность в том, что Якун/Хакон — это именно Хакон Эйрикссон, внук Хакона Могучего. История о золотой луде может считаться своего рода фирменным знаком рассказов о двух хладирских ярлах. Во-вторых, практически не остается сомнений, что круг соответствующих скандинавских преданий был на Руси в том или ином виде известен. Все те броские и выразительные черты, которые могли бы показаться странными в летописном сообщении о варяге, прибывшем из-за моря, встают на свои места, только если мы это знание учитываем. Настоячивое двукратное упоминание драгоценного плаща, который герой оставляет в бегстве, — это, пожалуй, тот элемент повествования, который без соотнесения со скандинавским материалом оставался наиболее загадочным, когда же к нему подобран ключ сагового контекста, он оборачивается скомпрессированным микросюжетом, хорошо объяснимым и предельно логичным — летописец, в данном случае действуя подобно Снорри, одной фразой обозначает некий родовой прием, связанный с намеренной утратой плаща в бегстве ради спасения жизни. Можно вообразить, что, сделайся Якун/Хакон Эйрикссон столь же значимой фигурой на Руси, как его дед, Хакон Могучий, в Норвегии, мы находили бы в русских источниках не только краткую, но и развернутую версию истории о том, как именно он сумел спастись под Лиственом, «ѡбѣже луды златоѡ».

Что же, однако, можно почерпнуть из тех коротких реплик о Якуновом плаще, которые мы в действительности обнаруживаем в «Повести временных лет»? Если говорить об истории сложения нарратива, то мы, пожалуй, не можем пойти дальше самого общего утверждения, которое уже сформулировали выше: некий варяжский сюжет о хладирских ярлах был известен на Руси и дошел до составителя письменного текста летописи. Не беремся судить, на каком именно этапе формирования летописного текста туда попадает это известие, однако, как кажется, оно принадлежит к числу тех ранних рассказов, понятность которых для каждого последующего редактора заметно убывает, и именно поэтому он начинает обрещать смысловыми связями и коннотациями, отсутствовавшими в исходной версии.

Иными словами, первым авторам текста были известны предания о хладирских ярлах, ошибка же переписчика, превращающая Якуна в слепца, могла появиться лишь под пером человека, уже не знавшего, зачем в таком кратком фрагменте специально отмечается красота варяга, но еще понимавшего, зачем в рассказе необходима луда. Впоследствии же эта слепота могла соотноситься с хромотой его нанимателя, Ярослава Мудрого [Данилевский, с. 176–177; Гиппиус, с. 51], или трансформироваться в нечто таинственное, достопримечательное и достойное упоминания само по себе. На следующем этапе бытования этой истории на русской почве затемняется и смысл эпизода с плащом, во всяком случае, в подавляющем большинстве списков Киево-Печерского патерика слово *луда* заменяется на *руда*, что существенно снижает понятность текста, но зато придает ему некий налет дополнительной «архаичности», таинственности и риторической выразительности. Замечательно при этом, что оставление некоего загадочного золотого объекта, утратившего четкость очертаний, воспринимается как родовой маркер для последующих поколений семьи Якуна/Хакона — не случайно, именно он, наряду со слепотой, всплывает в патерике, когда автору нужно объяснить, кто такой варяг Шимон/Симон, пришедшийся нашему Якуну племянником²³. Не исключено, более того, что в предании о Шимоне вообще используются некоторые опорные

²³ Ср.: «Бысть въ земли Варяжской князь Африканъ, брат Якуна слепаго, иже отбеже отъ златы руды (sic!), бняся пльком по Ярославѣ с лютымъ Мстиславомъ» (Патерик Киевскаго Печерскаго монастыря / Под ред. Д. И. Абрамовича. СПб., 1911. (Памятники славяно-русской письменности, изд. Императорскою Археографическою комиссиею. Т. II). С. 3, 187). По замечанию Д. И. Абрамовича, чтение *руды* присутствует везде, кроме пергаменной рукописи Киево-Печерскаго патерика из Софийскаго собора (№ 1365, нач. XV в.), содержащей так называемую «Феодосьевскую» редакцию, которая признается одной из самых древних (см.: [Конявская, с. 32–45]). В дальнейшем переосмысление *луды* → *руды* распространяется и попадает, например, в Житие Евфросинии Суздальской: «род же его (князя Мины Ивановича. — А. Л., Ф. У.) влечяшеса от варягъ, от Шимона князя Африкановича, Африкан же бѣ братъ Якуна слѣпаго, иже от златыя руды; род же их от Клавдия кесаря Римскаго; от того убо корене род Суждальскихъ князей» (Клосс Б. М. Избранные труды. М., 2001. Т. II. Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI веков. Агиография Москвы, Твери, Ярославля, Суздаля. Сказания о чудотворных иконах. С. 381).

элементы из жизнеописания его дяди, однако данное предположение требует, как кажется, дополнительного исследования.

Где и когда сложилась исходная версия рассказа о предводителе варягов? Очевидно (или, во всяком случае, мы попытались эту очевидность продемонстрировать), что число характеристик, связывающих Якуна с его предполагаемым дедом, ярлом Хаконом, слишком велико, чтобы быть простой случайностью. Не менее очевидно, однако, что в дошедших до нас скандинавских источниках о событиях, связанных с пребыванием Хакона Эйрикссона на Руси, не говорится ни слова. Быть может, о них повествовалось в отдельной *«Саге о хладирских ярлах», существование которой вполне убедительно предполагается исследователями (см.: [Andersson], с указанием литературы). В таком случае следует допустить, что некий ее извод проникает на Русь в ту пору, когда битва у Листвена еще вызывает непосредственный интерес и сведения о главе наемников легко могут пополняться из разных источников.

Не исключен и другой вариант. Эта история могла сложиться непосредственно на Руси, в том варяго-русском кругу, где были хорошо известны семейные корни Якуна/Хакона и предания о последних днях его деда. Без сугубо скандинавского субстрата она не могла бы возникнуть, но средства ее воплощения и расстановка акцентов в летописи, естественным образом, оказались несколько иными, чем те, что наблюдаются в сагах. Быть может, ключевым в роли Якуна для летописного сюжета является тот факт, что именно он обеспечивает для Ярослава Мудрого возможность благополучно выбраться из кровопролитной битвы, в которой они потерпели поражение, а оставление плаща важно именно как своеобразная плата за спасение.

Так или иначе, при всей своей краткости рассказ о плаще — это одна из нетривиальных скандинаво-русских параллелей, где мы имеем дело с чем-то большим, чем заимствование или общность сюжетной схемы. В самом деле, за последние полтора века исследователями выявлен довольно заметный фонд сюжетов и нарративных элементов, общих для летописной и саговой традиций. Здесь можно упомянуть, например, оцутимую близость рассказа о второй мести княгини Ольги незадачливым древлянским женихам и истории о гибели тех, кто осмелился посвататься к Сигрид Гордой, повествования о смерти Олега Вещего и Одда Стрелы или явное сходство предания о Владимире и Рогнеде сразу с несколькими сюжетами о скандинавских конунгах и их женах и наложницах. Однако в этих и подобных им схождениях невозможно, да и не следует, искать реальную историческую связь между упоминающимися в них лицами — князь Олег отнюдь не тождественен Одду Стреле, а генеалогические корни княгини Ольги едва ли как-то связаны с семьей полулегендарной правительницы Сигрид Гордой. Мы можем лишь догадываться, как и почему одни те же фабульные структуры прилагаются к столь различным, в сущности, персонажам в летописи и саге, для анализа подобной нарративной стратегии нам требуются некие многоступенчатые построения. История же Якуна/Хакона, несмотря на свой лаконизм, оказывается куда более прозрачной в этом отношении, и выявленное родство сюжетов объясняется здесь прямым родством реальных исторических лиц, в них фигурирующих.

Возвращаясь к собственно филологической составляющей летописного известия, важно еще раз подчеркнуть, что языковые средства, с помощью которых в нем отражается интересующий нас микросюжет, вполне характерны для древнерусской историографической традиции и непосредственной связи со скандинавским первоисточником не обнаруживают. Это и неудивительно, если учесть, что в дошедших до нас древнесеверных памятниках разные варианты этой истории различаются не только степенью детализации, но и лексическим наполнением. Так, предмет одежды, брошенный Хаконом на реке Гауль, может именоваться то *möttull*, то *skikkja* — оба эти слова обозначают не что иное, как 'плащ', причем за их словоупотреблением в текстах не просматривается какой-либо спецификации. Конструкция, обозначающая действие, которое

проделал ярл со своим плащом, тоже слегка варьируется: чаще всего употребляется выражение *láta eftir* (букв. ‘оставить за собой, позади’), однако в саге монаха Одда присутствует иной оборот, там ярл снимает (*taka af*) плащ со своих плеч и бросает (*kasta*) в реку. Иными словами, уже на скандинавской почве устойчив сам фабульный концепт и его связь с определенной семьей, а не средства его описания. Подобная лексическая незакрепленность предоставляла всякому последующему рассказчику, в том числе и русскому повествователю, довольно широкий простор для собственного оформления данного сюжета.

По-видимому, нет смысла, ориентируясь на германское происхождение лексемы *лѹда*, утверждать, что это слово пришло напрямую из скандинавского повествования сагового типа. Это обозначение плаща было в той или иной мере освоено на русской почве, как, впрочем, и другое его именование, с большой вероятностью также попавшее на Русь через германское посредство, — *матьль*. Скорее, менее употребительное слово *лѹда* могло обладать некими коннотациями чужеродности и использоваться для обозначения верхней одежды иностранца, несколько отличающейся от тех плащей, что носили на Руси²⁴, однако мы не располагаем достаточным количеством примеров, чтобы утверждать это наверняка.

Более выразителен и характерен оборот, с помощью которого летописец изобразил то, как Якун/Хакон оставил свой плащ, — мы имеем в виду фразу *ѡбѣже луды златоѡ*. А. А. Гиппиус обратил внимание, что такое выражение, где глагол *отбѣгнути* или *отбѣжати* управляет родительным падежом существительного, обозначающего некий предмет или предметы, является устойчивой конструкцией, употребляемой в летописи исключительно при описании военных столкновений, а значение этой глагольной пары исследователь определяет как ‘бросить, бежав с поля боя’ [Гиппиус, с. 56]²⁵.

Как кажется, история Хакона Могучего позволяет привести дополнительные аргументы в пользу такой интерпретации и еще точнее охарактеризовать семантику этих, по-видимому, весьма специализированных конструкций, включающих данные глаголы. Два других летописных примера, где встречается соответствующий оборот, обладают куда большей тематической близостью между собой и с историей сражения при Листвене, чем прочие сообщения летописи о поражениях в битвах. В одном из них описывается, что именно произошло с венгерским воеводой Марцелом, поддерживавшим малолетнего Даниила Романовича в его противостоянии с потомками Игоря Святославича и их многочисленными союзниками, среди которых были половцы. Противники теснили Марцела к реке Лютая, он был обращен в бегство и, переправляясь через реку, «хороугве своеѡ ѡбѣже и Роусь взать ю и пороугъ великъ быѣ Марцелови . и возвратишаса во колымагы свои»²⁶.

Символическая значимость стяга, или хоругви, хорошо известна из других летописных эпизодов. Присутствие знамени полководца в сражении настолько тесно отождествлялось с его собственным присутствием, что создавало почву для тактических уловок и военных хитростей, зачастую сводящихся к имитации личного участия князя там, где его в действительности не было²⁷. Соответственно, оставление знамени неизбежно влекло за собой для всякого полководца определенные репутационные потери (что в данном случае подчеркивает летописный комментарий),

²⁴ Ср. летописный рассказ о видении старца Матфея, где обладателем луды оказывается бес в образе ляха: «...видѣ обиходаша бѣса . въ ѡбразѣ Лаха в лудѣ . и носаша в приполѣ цвѣтки . иже глѣтса лѣпокъ . и ѡбихода подлѣ бра҃ю . взимаа из лона лѣпокъ . вержаше на кого любо...» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 190). Именно этот пример из летописи заставил в свое время Н. П. Ламбина предполагать, что на Русь это слово пришло из Польши.

²⁵ В материалах к словарю И. И. Срезневского значение глагола *отбѣгнути* в соответствующих контекстах определяется как ‘лишиться, потерять’ (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. II. Стб. 774), а в Словаре древнерусского языка *отбѣгнути* определяется в данном случае как ‘потерять’ (Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 2000. Т. VI. С. 215).

²⁶ ПСРЛ. М., 1998. Т. II. Стб. 725–726.

²⁷ Ср., например, летописный рассказ о том, как Владимир Мономах посылает в помощь своим сыновьям, воюющим с Олегом Святославичем, не только свой полк, но и свой стяг. Мстислав Владимирович вручил знамя половцу Куную, отдав под его предводительство правое крыло пехотинцев. Как сообщает летописец, при виде Мономахова стяга Олег «оубоѡса . и оужась нападе на нь . и на воѣ его» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 239).

но при этом он обретал шанс обмануть противника, затерявшись, спастись бегством и снова включиться в борьбу, что, по всей видимости, и произошло с венгерским воеводой.

Во втором летописном примере «потерпевшей стороной» оказываются половцы, которых на переправе через Сулу русские князья разгромили внезапной атакой и преследовали вплоть до другой реки, Хорола. Несколько половецких вождей гибнет во время этого преследования, но главные из них — Шарукан Старый и, по-видимому, Боняк — спасаются с частью других половцев, оставляя в руках русских князей свое имущество. Характерным образом, описывая стремительность разворачивающегося действия и полноту поражения кочевников, летописец начинает описание их бегства с того, что те не смогли даже водрузить знамя, хотя и не оно становится «разменной монетой», обеспечившей спасение Шарукана и немногочисленных его спутников:

«Половци же оужасошася . ѿ страха не възмогаша ни стага поставити . но побѣгоша хватающе кони . а друзии пѣши побѣгоша . наши же поча[ша] сѣчи женуши ꙗ . а другыѣ руками имати . и гнаша поли до Хорола . оубиша же Таза . Бонакова брата . а Сугра ꙗша и брата ꙗго . а Шаруканѣ сдва оутече . ѿбѣгоша же товара своего . еже възаша Русскийи вои»²⁸.

Можно сказать, что в этом эпизоде семиотика военного поражения воплощена в двух деталях, причем одна из них, стяг, изначально обладает символическими функциями, тогда как другая, товар, вне данного контекста их лишена — посрамление Шарукана (и Боняка) заключается в том, что они вынуждены сражаться без знамени и спасти жизнь ценой оставления имущества. Рискнем предположить, что плащ, сброшенный князем или предводителем войска, — как раз тот предмет, который в определенном смысле совмещает в себе обе эти функции.

Еще один пример, на этот раз из Новгородской первой летописи, где, по предположению А. А. Гиппиуса, присутствует конструкция *отбѣжати* + существительное в родительном падеже, куда менее прозрачен по смыслу, но здесь также речь идет о битве, где потерпевшая сторона оставляет в руках противника часть своего вполне несимволического имущества — лодок²⁹. Так или иначе, три относительно ясных случая употребления нашей конструкции соотносятся с на редкость сходными нарративными схемами — для повествователя оказывается важным не только поражение одной из сторон в битве, но и то обстоятельство, что предводителям войска, будь то Марцел, Шарукан и Боняк (?), Якун и Ярослав, удастся спастись, только пожертвовав чем-то, обладающим немалой ценностью, символической, материальной или той и другой сразу. Рассказчиков интересуют, парадоксальным образом, не только победители, но и побежденные. Эта перспектива побежденных (на какие жертвы им пришлось пойти, дабы спастись!) актуальна для него прежде всего потому, что они и их род не исчезают безвозвратно в водовороте битвы, но оставляют свой след, иногда весьма заметный, в самых ближайших или несколько более отдаленных событиях.

Что же в таком случае означает интересующая нас конструкция с глаголом *отбѣгнати* / *отбѣжати*? Разумеется, здесь очень трудно провести точную грань, отделяющую языковую семантику от контекстно обусловленного значения, но, как кажется, имеющиеся в нашем распоряжении примеры позволяют определить ее следующим образом — ‘оставить при бегстве нечто ценное, отвлекая противника и тем спасая собственную жизнь’.

Литература

Гиппиус А. А. Бегство от плаща: Заметки о «золотой луде» Якуна «Слепого» // Terra Slavica / Terra Balcanica: К юбилею Т. В. Цивьян. М., 2007. (Балканские чтения. 9). С. 52–58.
Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов.

²⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 282.

²⁹ «Въ то же лѣто ходиша Корела на Емь, и отбѣжаша 2 лоиву бити» (ПСРЛ. М., 2000. Т. III (Синодальный список). С. 27); «В то же лѣто ходиша Корѣла на ѣмь, и отбѣжаша; 2 лоиву избилѣ» (ПСРЛ. Т. III (Комиссионный список). С. 213).

М., 2004.

Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 2012.

Конявская Е. Л. Древнейшие редакции Киево-Печерского Патерика // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 1 (23). С. 32–45.

Ламбин Н. П. О слепоте Якуна и его златотканой луде: Историко-филологическое разыскание // ЖМНП. 1858. Отд. II. Ч. ХСVIII/5. С. 33–76.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Между прозвищем и панегириком: к изучению русско-варяжского формульного фонда // Именослов. Историческая семантика имени / Сост. Ф. Б. Успенский. М., 2007. Вып. 2. С. 135–188.

Михеев С. М. Варяжские князья Якун, Африкан и Шимон: Литературные сюжеты, трансформация имен и исторический контекст // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 27–32.

Прицак О. Походження Русі: Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг). Київ, 1997. Т. I. Andersson Th. M. The Continuation of *Hladajarla saga // Journal of English and Germanic philology. 1998. Vol. ХСVII/2 (Apr.). P. 155–167.

Brate E. Svenska runristare. Stockholm, 1925. (Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens Handlingar. Bd. XXXIII/5–6).

Kunik E. Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen: eine Vorarbeit zur Entstehungsgeschichte des russischen Staates. Erste Abtheilung. St.-Petersburg, 1844.

Kunik E. Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen: eine Vorarbeit zur Entstehungsgeschichte des russischen Staates. Zweite Abtheilung. St.-Petersburg, 1845.

Pritsak O. The Origin of Rus'. Cambridge (Mass.), 1981. Vol. I: Old Scandinavian Sources other than Sagas.

Stender-Petersen A. D. Varangica. Aarhus, 1953.